

«Магдебургские Центурии» и историографическая традиция Евсевия Кесарийского

Различные обстоятельства появления на свет первой лютеранской церковной истории – «Магдебургских Центурий»¹ – получили освещение в специальной литературе. Исследованиям истории формирования авторского замысла, принципов работы авторского коллектива способствовала публикация большого количества архивных документов из хранилищ Вены, Вольфенбюттеля и других городов². Тем не менее, «белые пятна» в этой

¹ *Ecclesiastica historia, integram ecclesiae Christi ideam, quantum ad locum, Propagationem, Persecutionem, Tranquillitatem, Doctrinam, Haereses, Ceremonias, Gubernationem, Schismata, Synodos, Personas, Miracula, Martyria, Religiones extra Ecclesiam, et statum Imperij politicum attinet, secundum singulas Centurias, perspicuo ordine complectens: singulari diligentia et fide ex uetustissimis et optimis historicis, patribus, et aliis scriptoribus congesta. Per aliquot studiosos et pios uiros in urbe Magdeburgica (далее – EH). XIII Vv. Basileae, apud Io. Oporinum, 1559-1574.*

² *Schulte J.W.* Beiträge zur Entstehungsgeschichte des Magdeburger Centurien // Bericht der Philomathie in Neisse. 1874-1877. Bd. 19. S.50-154; *Bibl V.* Der Briefwechsel zwischen Flacius und Nidbruck // Jahrbuch der Gesellschaft für die Geschichte des Protestantismus in Österreich. Wien. XVII. Jahrgang (1896). S. 1-24, XVIII. Jahrgang (1897). S. 201-238; XIX. Jahrgang (1898). S. 96-110; XX. Jahrgang (1899). S. 83-116; *Bibl V.* Nidbruck und Tanner. Ein Beitrag zur Entstehungsgeschichte der Magdeburger Centurien und zur Charakteristik König Maximilians II. Wien, 1898; *Schaumkell E.* Beitrag zur Entstehungsgeschichte der Magdeburger Centurien. Ludwigslust, 1898; *Schottenloher K.* Handschriftensätze zu Regensburg im Dienste der Zenturiatoren (1554-1562) // Zentralblatt für Bibliothekswesen. XXXIV. Jahrgang (1917). S. 67-82; *Strecker K.* Quellen des Flacius Illyricus // Zeitschrift für deutsches Altertum und Deutsche Literatur. 1929. Bd. 66. H. 1. S. 65-67; *Duch A.* Eine verlorene Handschrift der Schriften Bernos von Reichenau in den Magdeburger Centurien // Zeitschrift für Kirchengeschichte. 1934. Bd. LIII. S. 417-435; *Steinmann M.* Aus dem Briefwechsel des Basler Buchdruckers Johannes Oporinus // Basler Zeitschrift für Geschichte und Altertumskunde. 1969. Bd. 69. S. 103-203.

картине ещё остались. Как авторы «Центурий» оценивали своё произведение ещё в процессе его создания? Как они представляли свой труд с точки зрения развития исторического знания, и как их деятельность выглядела со стороны? Важным аспектом такого взгляда на «Центурии» является отношение авторов к сложившейся историографической традиции. Как они относились к трудам предшественников и какую роль отводили своим изысканиям? Это знание поможет нам понять, в какой мере полученный – как с идеологической, так и с чисто рыночной точки зрения – результат соответствовал изначальному авторскому замыслу. Ведь результат находился не только во власти авторов; чем масштабнее книжный проект, тем разительнее могут быть расхождения между изначальным замыслом и полученным результатом.

Замысел книги был весьма амбициозным. Во-первых, он должен был выдвинуть новую историко-церковную концепцию, в корне противоречащую папской. К началу 50-годов XVI века богословская полемика постепенно выродилась в обсуждение ряда проблем второго порядка; богословы, как и верующие, ожидали перемен от Тридентского Собора. Именно историческая перспектива позволяла конституировать «новую церковь» и подчёркивала коренное отличие её от обычной ереси. Во-вторых, последователи Лютера остро нуждались в обновлении идеологического фундамента своего движения, отличного от богословских материй *stricto sensu*.

Амбициозность проявлялась, в частности, в намеренном противопоставлении нового труда прежним историко-церковным сочинениям; её сразу необходимо было чётко позиционировать среди благословлённых церковной традицией предшественников. Наиболее очевидным казалось сопоставление новой работы с общепризнанной классикой – «Церковной историей» Евсевия Кесарийского³. Эта работа используется в качестве ориентира в различных аспектах; особенно очевидна

³ Евсевий Кесарийский (260/264 – 339/340) – позднеантичный христианский богослов и историк, «отец церковной истории». Его «Церковная история» стала первым масштабным сочинением в данной отрасли, повествование доведено до 324 года. Евсевий написал также ряд других исторических и богословских трудов.

преемственность с сочинением «отца церковной истории» в расположении материала. Разумеется, сам сюжет предусматривает определённую последовательность событий; традиционно (эту традицию основал именно Евсевий) первая книга сочинения посвящена личности Иисуса Христа, рассуждениям о его природе, его подробной биографии (говоря словами Евсевия, изложению «Божественного Домостроительства, основание которому положено Господом нашим Иисусом Христом»⁴). Хронологически первая книга сочинения Евсевия (и первая книга первой Центурии) завершается событиями, непосредственно последовавшими за Вознесением. Евсевий предпослал первой книге несколько строк, в которых описал тематику своего исследования применительно к различным эпохам, а заодно и порядок расположения материала. Эти строки в «Центуриях» были расширены до пространного описания методов подбора материала и его системы расположения и вылились в своего рода манифест исследовательского подхода⁵. Они представляют собой связный текст, приобретающий особенную важность как источник по проблеме восприятия авторами своего труда. Написание такого текста станет в историко-церковной полемике традицией, и мы увидим, как и последователи, и противники центуриаторов будут особенно тщательно готовить вводные главы и насыщать их программным содержанием.

Конечно, авторы отдавали себе отчёт в том, что, несмотря на весь новаторский потенциал, тематически их произведение будет помещено читателями в контекст сложившейся историографической традиции. Желая направить ассоциации своей целевой аудитории в нужном направлении, центуриаторы обозначили во введении к первому тому интересный ряд избранных предшественников. Помимо Евсевия, в этот ряд попали его про-

⁴ *Евсевий Кесарийский*. Церковная история (далее – *ЦИ*). I.2.

⁵ Praefatio in historiam ecclesiasticam, causas contexendae historiae, et commemorationem utilitatum, et denique quandam ipsius scriptionis formam atque rationem seu Methodum continens. ЕН I α4-β3(9 страниц, Praefatio), β4-γ3 (15 страниц, Methodus). Последнее – это лишь схема расположения материала по главам; то, что мы назвали бы «методом» сегодня, находится в Praefatio.

должатели (Сократ Схоластик, Созомен, Феодорит Киррский⁶), а также ещё несколько малопримечательных церковных историков, среди которых мы неожиданно встречаем Науклера и Сабеллико⁷. Конечно, упоминание этих историков в первых строках «Предисловия» - не более чем риторическая фигура, и не следует придавать ей серьёзного, тем более программного значения. Тем не менее, отметим, возможно, первое в истории проявление «политкорректности», заставившее центуриаторов упомянуть не имевших особых заслуг перед историей Церкви представителей и нарождающейся германской исторической мысли, и итальянского гуманизма⁸.

Историко-церковная традиция довольствовалась соображениями о методе своей работы, которые предпослал своей «Церковной истории» сам Евсевий. Продолжатели Евсевия из-

⁶ Сократ Схоластик (ок. 380 – ок. 440) – первый продолжатель сочинения Евсевия. Его «Церковная история» доводит изложение до 439 года. Созомен (ок. 400 – ок. 450) – автор сочинения, охватывающего период с 324 года до конца 440-х годов; богато заимствовал материал из работы Сократа Схоластика. Феодорит (Теодорет) Киррский (Кирский) (393 – ок. 460) довёл свою «Церковную историю» только до 429 года. Три работы, вышедшие примерно в одно время, во многом дублировали друг друга, однако были частично основаны на различных источниках, в чистом виде до нас не дошедших. По этой причине три автора воспринимались как представители евсевианской традиции, а их «Церковные истории» часто издавались и анализировались вместе.

⁷ Иоганн Науклер (1425-1510) – немецкий богослов и историк, автор знаменитой «Всемирной хроники», опубликованной посмертно в 1516 году. Маркантонио Сабеллико (ок. 1436 - 1506) – венецианский гуманист, автор множества исторических сочинений; специально церковной историей не занимался.

⁸ Главное основание не считать этот перечень пустой формальностью или случайным выбором – это выход несколькими годами ранее сочинения Флация «Каталог свидетелей истины» - перечня всех (около 400) авторов, могущих по тем или иным причинам (часто довольно условным) считаться предтечами Лютера в деле критики Церкви: *Catalogus testium veritatis, qui ante nostram aetatem reclamarunt Papae, opus varia rerum, hoc praesertim tempore scitu dignissimarum, cognitione refertum...*, cum Praefatione Matth. Flacii Illyrici. Basileae, Oporinus, 1556.

бегали рассуждений на методологические темы. Сформулировав собственные представления о методе, центуриаторы поставили себя на один уровень с легендарным «отцом церковной истории», что в классической римской историко-церковной традиции было абсолютно невозможно! В самом деле, ни один из средневековых или ренессансных продолжателей Евсевия (пусть не в объёме всего замысла, фрагментарно) не мог и помыслить соперничать с образцом в теоретическом плане: столь непререкаем был авторитет данного сочинения и, в более широком смысле, письменного слова предшественника вообще. Формулирование Метода во введении «Центурий» – шаг исключительной смелости с политической точки зрения. Для нас, сегодняшних читателей, он имеет и другое значение: с него начинается методологическое осознание историком Нового времени своего труда – исток современной теории истории.

Петер Майнхольд отмечал, что центуриаторы совершенно чётко осознавали новаторский характер своей работы⁹. Их «совершенно новый способ изложения» основывался на критике всех предшествующих работ. Разрыв с предшествующей традицией был подчёркнут уже во Введении. Этот ход фактически вынудил последующих критиков Центурий из католического лагеря, наоборот, искать утраченный континуитет, пытаться его восстановить. На некоторое время опора на преемственность по отношению к историко-церковной традиции станет козырной картой католического лагеря, но крупнейший из противников «Центурий» - Бароний – снова сделает ставку на критику практически всех своих предшественников. Дело в том, что необходимость опираться на континуитет связала руки католическим историкам и потребовала дополнительных усилий, софистических ухищрений, материальных ресурсов для того, чтобы сохранить требуемые самой дискуссией темпы профессионализации ремесла, повышения качества исторического анализа¹⁰. Попутно

⁹ *Meinhold P.* Geschichte der kirchlichen Historiographie. Freiburg, 1967. Bd. 1. S. 277.

¹⁰ Цезарь Бароний в своих «Церковных анналах» (*Annales ecclesiastici a Christo nato ad annum 1198. Romae, 1588 – 1607*) подверг профессиональной критике всех своих предшественников, в том числе – Евсевия

обратим внимание на уже упоминавшееся подготовительное сочинение руководителя авторского коллектива «Магдебургских Центурий» Матиаса Флация Иллирика – «Каталог свидетелей истины». В момент его подготовки автор ещё опирается на концепцию всеобъемлющей преемственности; она является стержнем, объединившим более 400 исторических персонажей (подчас притянутых вопреки логике). Этот текст - свидетельство кристаллизации общей исторической концепции «Магдебургских центурий»; сам факт его выхода в печати обнаруживает напряжённую работу мысли, эволюцию мышления целого авторского коллектива. В период после его выхода (1556) до выхода первого тома «Центурий» (1559) происходит превращение тезиса о непоколебимой преемственности в череде предшественников лютеранства в фигуру речи, неизбежный идеологический штамп. В ходе осознания своего места в историографическом процессе центуриаторы сделали свой выбор в пользу разрыва, чтобы подчеркнуть новаторство.

Авторы нового сочинения не ставят перед собой цели создания цельного, удобочитаемого текста («подобно Илиаде Гомера»); они тщательно изучают произведения тех, кого сами включили в линию своих предшественников (от Евсевия до Сабеллико) и обнаруживают, в частности, недостатки и лакуны, которые следует заполнить. Так, они обещают тщательно воссоздать в историческом разрезе «историю догмы», которая и станет основным содержанием их исследования от столетия к столетию. Эта сторона знания «по праву занимает главенствующее место в истории церкви», при том, что предшественники центуриаторов на ниве церковной истории сами не разбирались в данном вопросе¹¹. Воссоздание эволюции догмы станет главным

и его ближайших продолжателей. За Баронием была организация, которая могла обеспечить выдерживание множеством последующих историков заданной линии, и католическая историко-церковная традиция будет столетиями выдерживать и всячески подчёркивать континуитет по отношению уже к Баронию и его продолжателям. Впрочем, это – тема другого исследования.

¹¹ ... de doctrinae forma, quae quolibet seculo in Ecclesia Christi extiterit (...) Iure autem haec pars vel principem in Ecclesiastica historia locum obtinet:

шагом вперёд «Центурий» по сравнению с предшествующими сочинениями.

Первым объектом для полемики становится сам Евсевий. Дискуссия начата прямо в «Предисловии», и её тема символична: определение христианина и понятия праведника. Евсевий избегает чёткого определения своей позиции, но говорит, что некоторые люди, даже если у них отсутствует понятие о Христе, могут считаться праведниками (например, Авраам)¹². Центуриаторы пренебрегли тем фактом, что, по мнению Евсевия, известный Аврааму бог и есть Христос, Слово Божие. Со своей стороны, они расширяют число праведников за счёт тех, кого можно описать как честного человека *ethnico more*¹³.

Центуриаторы утверждают: концепция Евсевия слишком обща и неконкретна, для использования в церковных диспутах непригодна. Конечно, этот выпад в адрес великого предшественника политически ангажирован. В частности, они подчёркивали, что для Евсевия принадлежность к сообществу христиан определяется знанием Христа и учения, умеренностью духа и справедливостью, скромностью жизни, силой добродетели, а также любовью к Господу; его основной виной было невнимание к проблеме отпущения грехов и божественного правосудия, а главное – к догмату оправдания верой¹⁴. Центуриаторов со-

siquidem praecipua nota et cor uerae Ecclesiae existit. Imo ne illi ipsi quidem historici uidentur satis bene doctrinam hanc coelestem intellexisse.

¹² ЦИ. I.4.

¹³ То есть в духе трактата Цицерона «Об обязанностях» или Данте, проводившего в 4 песне Ада различие между христианскими и моральными добродетелями.

¹⁴ Christianum esse uirum, qui per Christi cognitionem ac doctrinam, animi moderatione et iusticia, continentiaque uitae, et uirtutis fortitudine, ac pietatis confessione erga uerum, unum ac solum omnium Deum excellit. Ista primum nimis generaliter dicuntur: deinde, nihil de regeneratione, nihil de fide, de qua tamen toties Christus et Apostoli concionantur, exprimit: et ad illam Philosophicam cardinalium uirtutum enumerationem, quae sunt, modestia, iusticia, temperantia, fortitudo, magis alludit, quam ad Decalogi seriem: neque obscure significat, ad id tali homini noticiam Christi eiusque doctrinam solum prodesse, ut uirtutibus possit excellere. nihil de remissione peccatorum, atque imputata iusticia per fidem in Christum dicit, quae est

вершенно не смущает, что этот догмат не мог быть известен Евсевию, не формировался и не обсуждался в его времена даже в самых суровых и отвлечённых богословских спорах. Мы не будем касаться доктринальной стороны: она очень важна в изучении идеологической стороны столкновения, но нас интересует больше дискурс в пределах «искусства истории». Обращение именно к Евсевию, вкладывание распространённого положения именно в его уста с последующим их опровержением – это признание авторитетности историка из Цезареи не только для «Рима», но и для всего христианского мира в целом. Евсевий отвергнут потому, что он не разобрался в том, в чём люди стали претендовать на понимание тысячи лет спустя.

Исходя даже только из списка признаваемых центуриаторами предшественников, мы можем понять, что зарождающаяся именно здесь новая методология должна будет не только подвергнуться сравнению с евсевиянской, но и проявить себя более совершенной. В самом деле, структура глав, принятая в сочинении Евсевия Кесарийского «Церковная история», послужила прообразом структуры отдельных Центурий. Евсевий выстраивает свои книги по императорам; авторы нового сочинения – по векам, что выглядит несколько искусственно, но не более искусственно, чем периодизация церковной истории по светским правителям. При этом некоторые упомянутые в «Методике» темы развивают темы Евсевия, заявленные во введении к его труду¹⁵ – наследование епископских кафедр, история теологов, ересей, евреев, мучеников и т. п.

Первый полемический удар, наносимый по Евсевию, вовсе не означает, что «Центурии» были направлены против Евсе-

quasi ipsissima Christiani hominis forma: uirtutes autem seu bona opera sunt fructus ex iustificato homine promanantes, ut docet Christus, Apostoli, et uniuersa sacra Scriptura. Ne vero quis hic respiciat iudicij aequitatem et moderationem (ut solent quidam, nimis lenes et bonos interpretes, etiam cum ueritatis iactura, sese praebere) sed integrum potius historicum Eusebij corpus aspiciatur: ex quo patebit, eum non satis perspicue articulum Iustificationis, qui in doctrina Christiana summus est, uel intellexisse, uel explicuisse.

¹⁵ ЦИ I.1.1

вия или задуманы для того, чтобы поставить под сомнение его престиж. Недаром Евсевий и возражения против него вынесены во «Введение»: эта коллизия также наполнена символическим смыслом. Она отделяет Центурии от предшествующей историографической традиции, от трудов «авторитетных» писателей, чей авторитет, как известно, держался на уважении к традиции, на том, что их тексты были освящены веками. Декалог становится критерием веры, важнейшим параметром, по которому оценивается человек. Таким образом, те качества, которые Евсевий признавал положительными, ничего не значат по сравнению с тем, чего «в действительности» требует христианский закон. Строгость увеличивается, но приобретает несколько «внешний» характер: при всей нечёткости в формулировках и понятийной непроработанности некоторых вопросов Евсевий обнаруживал большую по сравнению с центуриаторами терпимость в вопросах веры.

Во введении в кратком виде сформулированы все претензии к предшественникам на ниве церковной истории. Они сводятся к увлечению описанием людей и событий и отсутствию внимания к таким аспектам, как суть идеологических конфликтов и воздействие этих самых событий на облик и даже на само учение Церкви¹⁶. Например, описывая ереси, церковные историки не анализировали её содержание, не сопоставляли его с позицией официальной Церкви. Недостаточно освещались и различия в церковной практике различных католических стран, в управлении Церковью на той или иной территории. Предшественники уделяли такое внимание личностям, что их можно назвать «историками личности»¹⁷. Претензия заключается в том, что много внимания уделяется событиям, и мало – теориям и спорам. Достойным же внимания историков провозглашается то, что более поздние историки Церкви назовут *Dogmengeschichte*, историей догмы (в «Центуриях» - *doctrinae forma*).

¹⁶ Plurimum enim occupati sunt in describendis et laudandis personis. Commemorant, qualis ac quam sanctus vir quis fuerit, quam mirabilem uitam duxerit, quam multum ieiunarit et orarit, quae miracula uiuus aut mortuus fecerit: quorum tamen nonnulla, ac sint ueritati consentanea, non praeter rem ambigitur. Non ibi dogmata, non certamina perspicue exponuntur.

¹⁷ tantum sunt personales, ut sic dicamus, historici.

Несмотря на наличие столь категорических претензий, центуриаторы положительно относятся к личностям древних церковных историков, а также чаще всего доверяют их информации. В основном тексте «Центурий» их работы широко привлекаются к реконструкции исторической картины; в «Предисловии» говорится и о ценности их работ в целом¹⁸. В этом утверждении нет никакого противоречия с принципом «разрыва преемственности», о которой речь шла выше. Центуриаторы воспринимают свою работу в ключе, понятном и общем для историографии вплоть до эпохи Просвещения: они «надстраивают» свои умозаключения и разыскания на произведениях предшественников, не подвергая этих последних особенной критике. В частности, объявляется, что из предшественников будут братья целые куски повествования, и делаться это будет не равнодушно, но с благодарностью (*gratis animis*) и, конечно, без каких-то угрызений. Если практикующие историки Раннего Нового времени, как правило, избегали давать развёрнутое определение своему отношению к предшественникам, то для центуриаторов этот пункт стал одним из важнейших программных утверждений.

Уже при чтении «Предисловия» становится очевидным, что авторы «Центурий» не воспринимали свою работу как историко-церковную в узком смысле слова. Ни один известный им сюжет не отбрасывался из их сочинения априорно, на основании того, что тематически он не относится к церковной истории *stricto sensu*. Единственная оговорка необходима в отношении дохристианской истории. Она не заслуживала внимания лишь потому, что церковь была хронологически самым первым «внешним» проявлением бога (*visibilis in hac terra coetus*). С её возникновением, однако, начались и преследования её, о которых (а также о том, что по поводу этого думали различные благомыслящие мужи) центуриаторы собирались писать особенно подробно. Таким образом, после проповеди христовой интрига всемирной истории сложилась моментально и более уже не прекращалась.

Центуриаторы указывают, что после достаточного, но не

¹⁸ EH I α4. Habent sane illi historici quoque suam laudem, et gratis animis hoc beneficium amplectimur et praedicamus: quod tamen aliquam Ecclesiae historia ab ipsis acceperimus, uiuant maneatque ipsorum etiam monumenta.

слишком пространного (*mediocriter*) изложения «внешнего» состояния церкви нас ждёт описание «внутреннего»¹⁹. Впервые в церковной историографии провозглашается, что объектом исследования достойно стать не только то, относительно чего авторитетные церковные писатели соглашались друг с другом, но и то, что вызвало их споры, рождённые столкновением мнений ошибки и разногласия, понимаемые как однозначный ущерб для единства мнений (*corruptelae*).

Отдельную речь центуриаторы собирались вести о ересь, причём не о вызванных ими событиях внешней истории, а об их учениях и о тех положениях, в которых они расходятся с «генеральной линией» (*sincera doctrina*). Никакого снисхождения к еретикам не будет: они однозначно трактуются как внутренние враги Церкви. И всё же читателю будет даваться возможность самостоятельно судить о том, в каких положениях еретики противоречат «божьей истине»²⁰. Это положение тоже имело для центуриаторов программное значение. Дело в том, что римская Курия обвиняла Лютера и его последователей в ереси, и чтобы отвести такое унижительное для новой философии религии обвинение, требовалось не просто создать историческое произведение (см. выше), но и категорически отмежеваться от множества еретических учений предшествующих эпох.

Интересно, что установка на изучение ересей как «вещи в себе» натолкнула центуриаторов на новые классы источников, о которых предшествующие историки не имели даже отдалённого представления. Например, было замечено, что церковный церемониал не остался неизменным и носит в себе следы изменения догмы. Отсюда следует, что его следует изучать как явление, имеющее своё рациональное объяснение. Помимо церемониала, изменялась и система управления церковью (*politia*), которая также вбирала в себя новые элементы светского характера (*metamorphosis quaedam Ecclesiastici regiminis in ciuile aut mundanum tentata*): в

¹⁹ EH I βi. His externis explicatis mediocriter, interior et propinquior Ecclesiae forma ac ratio proponeretur.

²⁰ Magis autem perspicue capita seu hypotheses haeresium recensendae essent, ut Lector intelligeret, in quibus articulis haeretici veritatem Dei labefactare conati sunt.

«Предисловии» авторы «Центурий» осознают эти изменения во времени и считают их вполне достойным исследованием сюжетом. Были также отмечены расхождения между учениями отдельных крупных церковных писателей, которые в «Центуриях» впервые были восприняты как закономерное явление, развивающееся по определённым закономерностям.

Разумеется, заявленная на самых первых страницах «Центурий» проблематика не ограничивалась только новаторскими темами, однако они занимали наиболее видное место. Кроме них, в «Центуриях» должны были присутствовать и более привычные глазу тогдашнего читателя сюжеты – рассказы о святых и мучениках, о чудесах, «которыми Господь украсил свою Церковь», а также об изменении политической картины мира (*de mutationibus imperiorum politicorum*). Это последнее вполне нивелировало различия между историей христианской Церкви и общей историей христианских земель и даже всеобщей историей.

Наши представления о сути «Центурий» определяются их практической ценностью для ведения полемики против римской Курии; при анализе этого произведения обычно делаются оговорки, подчёркивающие несоответствие книги принятым в те времена канонам исторического произведения, а также нынешним представлениям. Между тем, центуриаторы не только называют свою работу «Историей», но и всячески подчёркивают её принадлежность к этой сфере гуманитарного знания. В предисловии (с. 4) говорится, что авторы книги не стремятся собрать факты сами по себе, а предлагают общую картину – Церковную Историю. Основополагающими в этой истории являются деяния Господа, а задача историка, в общем, проста – разъяснять важнейшее из того, что Он предпринял для достижения своих целей. При этом, считают центуриаторы, современные историки никак не могут уступать древним. Если языческие авторы подробно описывают высказывания великих людей, а также «формы правления, законы, декреты, конституции, письма, речи и деяния», то это тем более уместно в истории церковной, «где учёность и другие подобные качества имеют тот же самый смысл». При этом, правда, не следует соперничать с политическими историками в описании событий внешней истории: это не будет полезно для церкви, а

значит, будет поводом для всяческих обвинений²¹. Одновременно приходится отказаться и от занимательных фактов, которые не имеют отношения к основной теме: они «доставляют некоторое удовольствие любопытному уму, однако расстраивают вкус и приводят в беспорядок память»²².

Зачем центуриаторы пишут свою книгу? Главной своей целью они видят создание целостной картины церковной истории, которую благодаря «Центуриям» можно будет «держат перед глазами, будто нарисованную на картине». Они будут доказывать единство всей христианской церкви, основанной на общих принципах единым основателем, а также покажут, что учение, распространившееся в церкви в последнее время, соответствует изначальному. Всё появившееся позже будет рассмотрено в хронологическом порядке, по мере возникновения: претензии римского епископа на первенство, детали богослужения, нововведения культа (такие, например, как почитание покойников и т. п.). Отдельно будут обсуждаться «признаки истинной Церкви» и «признаки ложной» - то, что можно будет непосредственно использовать в идеологическом споре с Римом, не прибегая даже к посредству исторической информации и аргументов. Таким образом, одним из важнейших качеств «Центурий» планировалось сделать полезность книги даже для дискуссии вне историко-церковного поля. Разумеется, значительное место в книге планировалось отвести и «длани Господней» - проявлениям благодати, снизошедшей на различных выдающихся мужей Церкви, о карах, постигших как «фальшивых и фанатичных учителей», так и тех, кто должен был бороться против искажений, но не делал этого.

Можно только догадываться, каким интересным их сочинение обещало стать для читателя, прочитавшего «Предисловие». Он заинтригован! Оказывается, Евсевий во всеуслышание объявлен не вполне удовлетворительным, а с ним – и череда по-

²¹ Si igitur quaedam rectius ac plenius exponuntur, idque in utilitatem Ecclesiae cedit, non debet peruersis criminationibus obrui.

²² Confusio seu narratio uariarum rerum in historiis, potest quidem aliquid delectationis afferre curiosae menti, sed iudicia perturbat, et memoria.

пулярных его продолжателей²³. Оказывается, кто-то может взяться за новое изложение материала, уже описанного когда-то великими классиками: на этом материале будет построено новое, не виданное доселе здание церковной истории многих столетий, прошедших после создания классических греческих историй. Эта история будет доведена до современности, а источниками её будет то, что ранее никто и никогда не принимал в расчёт: история христианской Истины! Изменения в вероучении, содержание ересей, споры между церковными авторитетами – всё это раньше тщательно замалчивалось официальными церковными авторами, а те, кто пытался им печатно возражать, ещё не применяли системный подход. Наконец, менее значительные факторы (такие, например, как изменения в церковном церемониале или эволюция органов церковного управления) иллюстрировали главную идею лютеранства в таком неожиданном и новом ракурсе, что проявляющиеся при этом свет истины приобретали особую очевидность, казались совершенно бесспорными. Выход «Центурий» был долгожданным событием; читатель, наконец получивший первый том в руки, читал «Предисловие» и снова осознавал новаторство книги, глобальность подхода, смелость, отрицание традиционных авторитетов, критический дух по отношению к предшественникам и всякого рода «официальным точкам зрения»!

После «Предисловия» в книге помещён «Метод» – перечень глав, на которые будет разбит каждый том. Ещё во время предварительного обсуждения проекта «Магдебургских Центу-

²³ Свидетельство популярности этих авторов среди читающей публики – большое количество переизданий. Любопытно, что сам издатель «Магдебургских Центурий» Иоганн Опорин незадолго до выхода первого тома переиздал в одном томе все самые популярные «Церковные истории», в том числе знаменитую «Трёхчастную историю» (*Historia Tripartita*, составленная из текстов Созомена, Сократа и Феодорита). Это издание способствовало подогреванию читательского интереса, готовя рынок к выходу новой истории Церкви – скандальные слухи о ней уже просочились. С другой стороны, издание именно у Опорина не имело прямого воздействия на рынок (при большом количестве сравнительно недавно вышедших других изданий).

рий» в начале 50-х годов его инициаторы Флаций и Нидбрук²⁴ априорно решили, что каждое столетие прошлого даёт достаточно информации для того, чтобы заполнить соответствующие ячейки заранее составленной и продиктованной, конечно, идеологическим императивом матрицы. «Метод» – это и своего рода указатель, являющийся главным стержнем «Центурий», ключом к пониманию всего огромного сочинения, сложного и длительного предприятия. После знакомства с ним становится понятным, что «Центурии» не предназначались для чтения: материал изначально планировалось препарировать таким образом, чтобы он, лишённый логической последовательности и целостности, был при этом легко находим. Опираясь на «Метод», можно было найти информацию по любому аспекту церковной жизни (или сосуществования церкви и государства), если дата события приблизительно известна. Как мы знаем, центуриаторы ранее заявили о своём намерении написать «историческое сочинение», то есть нечто связанное и предназначенное для чтения; одновременно они дают ключ к интерпретации сложнейшей фактологической «мозаики» с помощью «Метода». Налицо явное противоречие, которое легко разрешается: слова об «историческом сочинении» – это обязательная фигура речи, это расположение своего труда «в линию» с Евсевием и его непосредственными продолжателями, но никак не характеристика основного текста в жанровом отношении. В конце каждого тома давался подробный географический и именной указатель (в первой части первой Центурии, посвящённой евангельским событиям, имелся ещё и указатель отсылок на текст Библии). Рассматриваемый нами труд был задуман как «готовый к употреблению» подсобный материал, возможно, как готовые фрагменты текста для

²⁴ Маттиас Флаций Иллирик (1520-1575) – один из ведущих лютеранских богословов, соперник Меланхтона и лидер гнесиолутеран – наиболее непримиримого течения в протестантизме; основатель проекта «Магдебургских Центурий», руководитель авторского коллектива в первый период работы. Каспар фон Нидбрук (ок. 1525-1557) – блестяще образованный гуманист, дипломат на службе императора Священной Римской империи Фердинанда I и его наследника, будущего императора Максимилиана II.

других сочинений, уже подготавливаемых с конкретной целью участия в спорах.

Удалось ли центуриаторам выполнить все заявления, приведённые во введении? Конечно, точный ответ на этот вопрос может дать лишь подробный анализ содержания «Центурий» тезис за тезисом – анализ, до сих пор так и не произведённый историками. Вес «Центурий» в глобальном историографическом процессе различается в зависимости от взгляда на этот процесс, от эпохи, из которой этот взгляд бросают вглубь веков. Постановка себя в ряд историков Церкви, начинающийся с Евсевия, и одновременный разрыв с традицией предшественников полностью себя оправдали. Исследователи более поздних эпох – Штойдлин, Баур, Лебедев, Нигг, Майнхольд²⁵, а также авторы множества работ с меньшим охватом материала – при изложении материала следуют схеме, фактически предложенной центуриаторами во введении. Согласно этой схеме, историография Церкви начинается с Евсевия, развивается авторами «Трёхчастной истории» и некоторыми другими продолжателями, а затем застывает вплоть до появления «Центурий». Разумеется, более поздние исследователи в той или иной мере отдают должное и дискуссии с католиками, порождённой «Центуриями» непосредственно.

²⁵ *Stäudlin C.F.* Geschichte und Literatur der Kirchengeschichte. Hannover, 1827; *Baur F.Ch.* Die Epochen der kirchlichen Geschichtschreibung. Tübingen, 1852; *Лебедев А.П.* Церковная историография в главных её представителях с IV по XX в. СПб., 1903; *Nigg W.* Die Kirchengeschichtesschreibung. Grundzüge ihrer historischen Entwicklung. München, 1934; *Meinhold P.* Geschichte der kirchlichen Historiographie. Freiburg, 1967.